

Вусик О. В.,
аспирантка

Харьковская национальная академия городского хозяйства

Объективная реальность города

Объективная реальность города, существуя независимо от индивидуального сознания, противостоит человеку в его познании, деятельности и обуславливает его. Субъективная реальность отношения человека к городу представляет собой проблемное поле, в котором разворачиваются переживание, рефлексия, осмысление человеком городской жизни.

В процессе становления города складывается парадигма города как социально-онтологическое основание урбанистических процессов. Понятие парадигмы в его современном значении было введено в философию науки Т. Куном, который разрабатывал, прежде всего, гносеологический аспект парадигмы, вводил и уточнял методологические принципы интерпретации законов, используемых конкретной теорией. В последнее время все чаще происходит обращение к онтологической составляющей парадигмы, которая фиксирует не только факты, принципы и закономерности теории, но и указывает на базовые характеристики самой реальности. Онтологический аспект парадигмы относится непосредственно к бытию, содержит реально существующие закономерности, не зависящие от познавательных установок. Этот аспект наиболее близок к первоначальному значению понятия «парадигмы» как примера, образца, первообраза. В этом смысле «парадигма» использовалась в античной, средневековой и в немецкой классической философии.

Применительно к урбанистике, в онтологическом аспекте парадигма есть условие воспроизводства родовой сущности города. Парадигма отражает целостность города, находящуюся в совокупности отдельных вещей, процессов, связей, отношений и взаимодействий.

Парадигма города представлена двумя основными формами. Витальная парадигма города представляет собой совокупность наличных условий жизни человека в городе, специфических особенностей городской среды, влияющих на городской образ жизни, и обеспечение жизнедеятельности самого города. Экзистенциальная парадигма есть инобытие витальной парадигмы города: переживание, рефлексия, осмысление человеком городской жизни. Экзистенциальная парадигма города как отражение идеальной стороны городского бытия существует в неразрывной связи с индивидуальными субъектами, создающими и воспроизводящими значения, смыслы и ценности городской культуры. Экзистенциальная парадигма города содержит совокупность переживаний человека, порожденных его бытием в городе, выступает формой согласования представлений людей о городе, служит основанием духовного освоения города.

Субъективная реальность отношения человека к городу объективируется в экзистенциальной парадигме города с помощью основных элементов, в которых субъективные состояния и процессы опредмечиваются, воплощаются в объекты, доступные уже не индивидуальному, а массовому восприятию, что включается в коллективную и индивидуальную память горожан и их коллективные представления о будущем города.

Проиллюстрируем содержание экзистенциальной парадигмы города на материале таких ее элементов, как имя города, феномен ностальгии и темпоральные модальности города.

Имя города выступает важным элементом объективирования субъективной реальности восприятия города горожанином в экзистенциальной парадигме. Ю. М. Лотман в статье «Заметки о художественном пространстве» выделял при рассмотрении города две семантические плоскости – «город как пространство» и «город как имя». Их взаимовлияние вызывает к жизни уникальность реального города. Имя города воплощает его индивидуальность, единство смыслов, овеществляет образ города. История знает много примеров переименования городов и еще больше примеров переименования частей города: улиц, районов, скверов. Как изменялся город, будучи Санкт-Петербургом – Петроградом – Ленинградом – Петербургом, Данцигом – Гданьском, Кенигсбергом – Калининградом, Екатеринодаром – Краснодаром, Новониколаевском – Новосибирском? Власть имени не распространяется напрямую на витальную парадигму, не отражается зримо в пространстве города, но оказывает влияние на его экзистенциальную парадигму.

В. Беньямин в статье «Возвращение фланера» отмечает, что если мы разделим все на сегодняшний день написанное о городах в зависимости от места рождения авторов, то в безусловном меньшинстве окажутся сочинения людей, родившихся и до сих пор живущих в описываемом ими городе. Изгнанники и странники, эмигранты и скитальцы острее ощущают красоту и неповторимость того, что они покинули. Их ностальгия, их вечное возвращение, реализуемое в искусстве, творит экзистенциальную парадигму города. Вечное возвращение в итоге оборачивается вечным невозвращением: возвращаются уже не в тот город, который оставили, и уже не те люди.

М. Хайдеггер в «Основных понятиях метафизики» при комментировании высказывания Новалиса: «Философия есть, собственно, ностальгия, тяга повсюду быть дома» задается вопросом – разве современный городской человек не избавился уже от ностальгии как от пережитка прошлого? И можем ли мы приводить свидетельства поэта о философствовании? Ностальгия способствует тому, что мы задаем вопросы о мире, о конечности, об отъединённости. Подобной ностальгией философия может быть тогда, когда философствующие повсюду не дома, повсюду быть дома – значит, обрести нечто главное в целом. Нечто целое – это мир, к бытию в целом тянет человека его ностальгия. Это притяжение помогает осознать свою конечность, так как человек всегда на пути к целому, всегда в состоянии перехода и всегда в состоянии уединения, одиночества. Стремление быть повсюду дома

М. Хайдеггер определяет как экзистирование, то есть процесс, погружаясь в который каждый человек, как единственный, стоит перед целым. Вопрошание, которое Новалис называет ностальгией, и есть фундаментальное настроение философии [9]. А ностальгию лучше всего способны осознать и передать поэты.

И. А. Бродский писал, что «есть города, в которые нет возврата», имея в виду и свой родной город. В «Путеводителе по переименованному городу» он указывал на одну из особенностей Петербурга: геометрия архитектурных перспектив в нем превосходно приспособлена для потерь навсегда. Свою «потерю навсегда» он ясно осознавал: «Видимо, я никогда уже не вернусь на Пестеля, и Мортон-стрит – просто попытка избежать этого ощущения мира как улицы с односторонним движением» [3]. Друг Бродского Я. Гордин вспоминал, как в девяностые годы актуален был вопрос о приезде Бродского в свой город. Ему очень хотелось в Ленинград, но поскольку он был чуток ко всякой фальши, то его ужасала неестественность собственного появления в Ленинграде. Полушутя-полусерьезно он предлагал Барышникову приехать, побродить по городу и улететь в тот же день, пока никто не спохватился. Бродили слухи, что Бродский уже в городе, что он приезжал, что его видели, с ним говорили. Я. Гордину самому не раз снилось, что поэт приехал, но наяву плохо получалось представить Бродского в сегодняшнем Петербурге, даже не из-за ажиотажа или неловкости, а из-за более глубоких причин, которые сродни пространственно-временному катаклизму, нарушению неких фундаментальных законов бытия [4].

Это ощущение нарушения пространственно-временных отношений при возвращении в город отмечается многими поэтами и писателями, как и чувство тоски, бездомности, порожденное эффектом обманутого ожидания: и город, и возвратившийся в него человек уже другие.

М. С. Уваров указывает еще и на предельную невозможность отказаться от возвращения, пусть даже метафизического, так как: «Русский поэт всегда умирает в Петербурге, даже если он умирает в Париже» [8].

Использование категории времени при описании экзистенциальной парадигмы города сразу подводит к мысли о том, что длительность существования города влияет на его экзистенциальную парадигму: чем старше город, тем больше возможностей разнообразия есть у его экзистенциальной парадигмы. Но насыщенность экзистенциальной парадигмы города зависит также от меры его трансценденции – его открытости миру. На разнообразие, насыщенность экзистенциальной парадигмы влияет то, насколько конкретный город включен в мировую цивилизацию, насколько большим был его вклад в мировую историю, как уникальность города обогатила мировую культуру. Н. П. Анциферов Вечный Рим, Париж и другие великие города называет «городами-остовами», то есть городами, которые служат костяком, каркасом цивилизации. Такие города стали опорой цивилизации, потому что через них перекачивались волны различных культур, оставляя свои осадки на одном

месте. И современный город тоже представляет собой порождение длинного ряда этих волн [1].

Оппозиционную пару в аспекте экзистенциальной парадигмы составляют старые и молодые, или исторические и новые города. Если представлять город как диалог времен – прошлого с настоящим и будущим, то у исторического города в этом диалоге полифония будет выражена значительно ярче, и история будет выполнять роль третьего в диалоге города и горожанина. У такого города не прерванная, а сохранившаяся «связь времен». Идеалы, мифы, нормы и ценности городской культуры прошедших эпох не только оставляют свой след в теле города, в его витальной парадигме, но и «вплавляются» в образ города, фиксируются его экзистенциальной парадигмой, способствуют формированию городской идентичности жителей, у которых появляется возможность соотносить себя с той или иной исторической эпохой.

Содержание экзистенциальной парадигмы нового города значительно беднее. Нетрудно заметить, что создание новых городов происходит в русле утопического дискурса, в котором актуализируются представления об идеальном городе. Это можно отчетливо разглядеть на примере молодых городов советской эпохи: Магнитогорска, Комсомольска-на-Амуре, Новокузнецка и ряда других. Отсутствие одного из трех временных структурных элементов городской культуры существенным образом влияет на экзистенциальную парадигму. Специфика времени нового города состоит в разном «удельном весе» его темпоральных модальностей с преобладанием модальности настоящего и основной ценностной маркировкой будущего времени.

И. Пригожин в структуре города выделял взаимосвязанные и сосуществующие временные элементы, которые соответствуют определенному внутреннему возрасту города. Примером нормативности ему служил Рим, а иллюстрацией к исключениям из правил были города Бразилиа и Помпеи, первый город не имел прошлого, второй – будущего [7]. Отсутствие одного из трех временных структурных элементов городской культуры существенным образом влияет на экзистенциальную парадигму.

В антиномии столицы и провинции наглядно представлено различие в степени открытости города миру и его включенности в мировые процессы. Столичный город и провинциальный город находятся на разных полюсах по шкале открытости/закрытости города. Эта антиномия является причиной глубоких социально-политических и социально-психологических конфликтов. Оппозиция столичного и провинциального города имеет географическое, историческое, экономическое, социальное, психологическое, культурное, духовное измерения. Это противоречие отражается в экзистенциальной парадигме как столичного, так и провинциального города.

Основными предикатами провинциальности являются удаленность, изолированность и зависимость. Традиционно в феномене провинциальности прежде всего отмечается его ярко выраженная амбивалентность, отсутствие нейтральной коннотации в «текстах и контекстах» провинциальной

повседневности и наличие отчетливых позитивных или негативных ценностных суждений. Апологеты провинциальности в качестве главного аргумента обращаются к функции сохранения культурных традиций, к ее мощному консервативному началу, позволяющему выступать в качестве стабилизатора социума. Их оппоненты указывают на то, что стабилизация системы происходит за счет элиминации творческого начала, из-за чего все креативные социально-культурные функции реализуются столицей и транслируются на всю страну.

Провинция воспроизводит население страны, сохраняет представления о социальной и психологической норме, служит фундаментом культурогенеза, происходящего в мировых городах. Для провинции география, пространство (её размеры и её удаленность от центра) являются определяющими факторами, столица – экстерриториальна и мобильна. Мобильность стала той субстанцией, из которой выстраиваются глобальные социальные, политические, экономические и культурные иерархии. Мобильность превратила расстояние из объективной безличной физической величины в социальный продукт монетарной экономики. В силу экономических, социальных и политических причин столичные жители всегда были более космополитичными, нежели жители провинциальных городов. Пространственные понятия «близко» и «далеко», «здесь» и «там» сохранили свою значимость для регионов и практически нивелировались в столицах. Деятельность части столичных жителей приобретает экстерриториальный характер, освобождаясь от территориальных ограничений. Жители провинциальных городов практически не имеют шансов на эту экстерриториальность и остро ощущают свою привязанность к месту и невозможность сменить его на другое.

Таким образом, специфика экзистенциальной парадигмы города может быть раскрыта посредством категории времени. Качество экзистенциальной парадигмы зависит от согласования или рассогласования временных характеристик города. Насыщенность экзистенциальной парадигмы города зависит от согласования трех темпоральных модальностей города: его прошлого, настоящего и будущего, от степени его открытости миру и его включенности в мировые культурные процессы. Экзистенциальная парадигма города представляет собой объективацию идеальной стороны городского бытия, служит основой духовного освоения города. Экзистенциальная парадигма города включает в себя коллективную и индивидуальную память горожан и их коллективные представления о будущем города. Культурно-историческое прошлое города, разнообразие и жизнеспособность витальной парадигмы города в настоящем времени влияют на его экзистенциальную парадигму. Осваивая и познавая город, человек одновременно глубже познает самого себя.